

СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ ПЕРЕЖИВАЕМЫХ УГРОЗ*

В статье анализируется проблема суверенности психологического пространства личности (ППЛ). Показано, что в зависимости от выраженности отдельных параметров суверенности ППЛ: суверенности физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей, респонденты по-разному ощущают свою безопасность. Установлены связи между типами переживаемых личностью угроз и параметрами ППЛ.

Ключевые слова: психологическое пространство личности, суверенность, депривированность, психологическая безопасность, угроза.

Проблема психологического пространства личности целенаправленно изучается в психологии довольно давно. Наиболее детально она изучена в школе Курта Левина. Левин утверждал, что ситуацию, в которой находится личность, нужно изучать не с физической точки зрения, а с точки зрения того, как она представлена субъекту, т.е. изучать субъекта как включенного в психологическую среду [2].

Работы Левина стали одним из источников дальнейшего изучения взаимодействия человека с миром в его разных проявлениях. В частности было предложено понятие психологического пространства личности (ППЛ), которым обозначают «значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни субъекта и защищаемый им доступными физическими и психологическими средствами» [4, с. 77]. По мнению С.К. Нартовой-Бочавер, наиболее значимой характеристикой психологического пространства является прочность границ ППЛ, которая переживается человеком как суверенность собственного Я. Суверенность дает чувство уверенности, доверия к миру, безопасности, позволяет человеку ощущать свою жизнь как аутентичную [5]. Нарушение границ ППЛ, вследствие появления опасности нередко переживается как чувство депривированности, но, как в свое время полагал К. Левин, реакция на опасность может быть разной. «Тревожность», – пишет он, – «это характеристика человека, находящегося в замешательстве, не знающего, что делать. Тот, кто лицом к лицу встречает опасность, а не ждет, пока враг сокрушит его, имеет ясные представления о настоящем и будущем и может наслаждаться жизнью даже тогда, когда эта опасность подстерегает его на каждом шагу» [1, с. 323]. По-видимому, важно учитывать и то, что чувствительность личности к разным видам опасностей и угроз может быть связана с разными переживаниями суверенности психологического пространства.

Психологическая безопасность нередко ассоциируется с отсутствием опасности, или угроз,

и переживается как состояние спокойствия, комфорта, равновесия. Нарушение этого состояния вследствие возникновения объективных или субъективных угроз отражается на психическом благополучии человека и, в частности, ощущается им как ограничение собственной активности, свободы воли, аутентичности и суверенности. Конечно, возможно и обратное, когда типичное для человека состояние тревожности и депривированности специфическим образом окрашивает его представление об окружающем мире, предопределяет характер эмоциональных реакций и тип поведенческих стратегий.

Не имея возможности безошибочно ответить на вопрос о причинно-следственных отношениях между суверенностью психологического пространства личности и переживанием ситуации как опасной или безопасной, мы сформулировали *гипотезу* о связи между типом переживания угрозы и суверенностью психологического пространства личности с учетом определенной метрики пространства, в которую вошли суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека (С.К. Нартова-Бочавер) [4].

В исследовании приняли участие 152 респондента в возрасте от 17 до 26 лет ($M_e=20$). Из них 98 девушек и 54 юноши.

В качестве методик использовали:

1. Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С.К. Нартовой-Бочавер – включает 80 утверждений и 6 шкал: суверенность физического тела, территории, вещей, привычек, социальных связей и ценностей человека [4].

2. Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея в его значительной модификации. В данном исследовании в качестве стимульного материала использовали таблицу № 14 с изображением силуэта мужчины на фоне ярко освещенного окна; вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е.Т. Соколовой таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты; направлена на актуализацию личной темы [7]. Респонденты были

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ проекта 13-06-00390).

разделены на три группы: одной группе давали стандартную инструкцию, второй группе говорили о том, что человек находится в опасной ситуации, а третьей группе предъявляли таблицу как безопасную. Респондентов просили составить рассказ по картинке, а затем задавали ряд вопросов: Что угрожает герою рассказа? Что нужно для достижения безопасности? или Что нужно для сохранения состояния безопасности? В конце исследования респондентам предлагалось придумать ассоциации к слову безопасность в форме перечисления признаков. Сравнение трех выделенных групп испытуемых проводилось в другом исследовании [8]. В настоящей работе респонденты были разделены на группы по типу называемых ими угроз.

Для обработки результатов ТАГ была введена следующая кодировка ответов: *тема рассказа*: 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема [3, с. 113–115]; *герой*: 1 – активный, 2 – пассивный; *направленность угрозы*: 1 – внешняя, 2 – внутренняя, 3 – отсутствует; *тип угрозы*: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза сохранения психического благополучия (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное; *средства достижения/сохранения безопасности*: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – самопреодоление, воля, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние [8].

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета STATISTIKA 7.0. Был использован U-критерий Манна-Уитни.

Для проверки выдвинутой гипотезы респонденты были разделены на группы по типу называемых ими угроз. В результате отказалось, что часть респондентов оценивает эту ситуацию как безопасную (группа А, угроза отсутствует, $n = 52$), остальные респонденты называли физическую угрозу (группа В, $n = 49$), угрозу социального одиночества (группа С, $n = 19$), угрозу нарушения психического благополучия (группа D, $n = 32$).

С целью проверки выдвинутой гипотезы сравнивались показатели шкал СПП у респондентов группы А и всех остальных групп.

При сравнении показателей методики «Суверенность психологического пространства» группы А и группы В, были обнаружены зна-

чимые различия по следующим шкалам: общая суверенность ($p=0,01$), суверенность территории ($p=0,04$), суверенность мира вещей ($p=0,01$), суверенность привычек ($p=0,05$), суверенность ценностей ($p=0,047$). Оказалось, что люди, чувствительные к физической угрозе, ощущают себя депривированными практически по всем показателям СПП, за исключением показателей суверенности физического тела и социальных связей.

Сравнение показателей СПП у респондентов группы А и группы С, позволило выяснить, что люди, не чувствующие угрозу и люди, остро переживающие состояние социального одиночества как угрозу, различаются по таким показателям как общая суверенность ($p=0,05$), суверенность территории ($p=0,02$) и в тенденции по показателю суверенности ценностей ($p=0,070$). При этом сравнение других групп – группы А и группы D выявило различия по суверенности физического тела ($p=0,04$) и суверенности территории ($p=0,039$), что дает основание считать, что не физическая опасность, а психическое неблагополучие как угроза обусловлена самыми ранними депривациями, связанными с ограничением суверенности в области телесных контактов и с удовлетворением базовых потребностей, а также с ограничением свободы иметь и распоряжаться своей территорией.

Для уточнения полученных результатов проводилось сравнение показателей СПП в группах В, С и D, которое не выявило различий между респондентами этих групп ни по одному показателю суверенности личности.

В целом можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза о том, что ощущение человеком опасности, вызванной наличием той или иной угрозы, тесно связано, а, возможно, даже и обусловлено внутренним дискомфортом, депривированностью и ограничениями свободы проявления Самости, подтвердилась.

Результаты показывают, что между группами респондентов, переживающих чувство безопасности и переживающих чувство опасности, есть значимые различия по шкалам суверенности личности: по суверенности территории, привычек, мира вещей, физического тела, ценностей, причем значения по этим шкалам оказались выше у группы испытуемых, переживающих чувство безопасности (группа А). Это значит, что в целом суверенность психологического пространства личности (т.е. способность человека поддерживать свои границы целостными, не разрушаться под влиянием внешних воздействий, чувство авторства по отношению к своей жизни) в этой группе респондентов выше по сравнению с остальными группами.

Наиболее выраженные различия получены между группами А и В, которые показывают, что у людей, реагирующих на физические угрозы (угрозу нападения, физического насилия, смер-

ти), нарушение суверенности территории и вещей, т.е. границ личного пространства, включающего предметный мир, отражается на нарушении свободы распоряжаться своим временем и отстаивать свои ценности, оставаться приверженным своим вкусам. Страх физической смерти в буквальном смысле слова парализует человека, и он становится неспособным жить своей жизнью, разумно мыслить, творить, развиваться. Согласно С.К. Нартовой-Бочавер, базовой характеристикой суверенности личности является суверенность тела, которая закладывается в младенчестве благодаря особому, уважительному отношению родителей к ребенку, к его потребностям. Несмотря на предположение о низкой суверенности тела у людей, переживающих физическую угрозу, оно не нашло своего подтверждения в настоящем исследовании, по-видимому вследствие того, что когда они были детьми, ограничения со стороны родителей начали проявляться с того момента, как они стали самостоятельно ходить, а впоследствии распространились на привычки, вкусы, ценности; тогда как в младенчестве бережное и внимательное отношение к ребенку, уход за ним были своевременными и не депривировавшими его желания. Возможно, физическая угроза как характеристика группы В устойчиво проявляется у этих респондентов вследствие тревожности родителей за самостоятельность ребенка и из-за их опасений, вызванных взаимной сепарацией.

Сравнивая респондентов, сензитивных к угрозе социального одиночества (группа С), с респондентами группы А, было обнаружено, что у первых снижены показатели по шкалам общей суверенности, суверенности территории и суверенности ценностей. Различий по шкалам суверенности вещей и суверенности привычек не наблюдалось. Кроме того, по шкале суверенности социальных связей также не было выявлено различий. Интересно отметить в связи с этим, что переживания по поводу нарушения социальных контактов и их потери строго не определяются контролем родителей и других близких людей за выбором сыном или дочерью предпочитаемого круга общения. Скорее всего, страх социального одиночества подкрепляется не только нарушением суверенности личности (суверенности территории и суверенности ценностей), но и другими факторами, в частности, типом привязанности ребенка к родителям, а также непоследовательностью материнского и отцовского поведения.

Особое внимание хотелось бы уделить респондентам, переживающим по поводу своего психического статуса, психического благополучия, что выражается в виде аутоагрессии, недовольства собой, в виде угрызений совести, депрессии и др. (группа D). Показательным для этой группы стало снижение суверенности по шкалам «суверенность

физического тела» и «суверенность территории» по сравнению с группой А. По всей видимости, переживания по поводу своего психического здоровья имеют глубокие корни, связанные с безличным отношением родителей к своему ребенку в самом раннем детстве, с невниманием к его потребностям и состояниям. Обычно, ранний детский опыт компенсируется с большим трудом. Однако в нашем случае он, так или иначе, сглаживается, по крайней мере, в отношении суверенности привычек, социальных связей и ценностей. Следует предположить, что подобная компенсация требует больших энергетических затрат и не может стабильно поддерживать полноценное функционирование личности в разных сферах жизнедеятельности. Как самостоятельная гипотеза исследования это предположение нуждается в специальной проверке и в дополнительном анализе данных.

Подводя общий итог исследования важно отметить, что при сравнении группы А со всеми остальными группами респондентов наибольшую устойчивость показывают различия по показателю суверенности территории. Согласно С.К. Нартовой-Бочавер территориальность – это основа индивидуальной и группой идентичности; территория не только защищает и упорядочивает жизнь, но и представляет собой средство организации взаимоотношений, дает возможность контролировать свои занятия и социальные контакты [6]. Возможность обрести и сохранить свою территорию, дом, место, организовать личное пространство не только в физическом, но и в психологическом смысле слова, позволяет человеку ощущать себя в безопасности, строить позитивные отношения с миром, находиться в состоянии психического комфорта и благополучия. Проведенные нами более ранние исследования показали, что «дом» является значимым параметром психологического благополучия для респондентов женского пола [9]. В дипломной работе «Представление о личной безопасности у мужчин и женщин с разным типом гендерной идентичности», выполненной А.П. Литавриной в 2013 г. под нашим руководством, также было показано, что для женщин разного возраста представления о безопасности связаны с такими параметрами как «уход в фантазии и мечты», «доверие», «отстранённость от реальности», «радость», «безмятежность и легкость», «чувством комфорта», «любовь», «счастье», «отсутствие угроз», «поддержка мамы» и «дом». У мужчин наиболее явно выделилась ассоциация «осторожность, отказ от риска». Несмотря на половые различия в представлениях о своей безопасности, которые касались значимости параметра «дом», между респондентами не было выявлено различий по более общей категории «территория», что подтверждает наши предположения о важности этого параметра для становления суверенности психологического пространства

личности, развития аутентичности и упрочения чувства психологической безопасности.

Присоединяясь к определению психологической суверенности как способности контролировать свое психологическое пространство, успешно разрешать жизненные задачи, устанавливать чувство авторства по отношению к жизни, отметим, то чувство приватности не только защищает и стабилизирует, но и расширяет потенциал возможностей личности в совладании с жизненными трудностями конструктивным способом, реорганизует их в потенциал личностного роста и развития.

Библиографический список

1. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.
2. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
3. *Леонтьев Д.А.* Тематический апперцептивный тест. – М.: Смысл, 1998. – 247 с.
4. *Нартова-Бочавер С.К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый

метод диагностики личности // Психологический журнал. – 2005. – Т. 25. – № 5. – С. 77–89.

5. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 6. – С. 18–29.

6. *Нартова-Бочавер С.К., Бочавер К.А., Бочавер С.Ю.* Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. – М.: Генезис, 2011. – 320 с.

7. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. – М.: МГУ, 1980. – 173 с.

8. *Харламенкова Н.Е.* Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 133–159.

9. *Харламенкова Н.Е.* Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / под ред. М.И. Воловиковой, Н.Е. Харламенковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 141–160.